

Пламенное увлечение шейха

Автор:

[Ким Лоренс](#)

Пламенное увлечение шейха

Ким Лоренс

Гарем - Harlequin #38

Эбби Фостер подумала, что ее разыгрывают, когда, приехав домой, застала возле своего скромного крыльца белый лимузин, двух арабов, а между ними – не приметного человечка, который сообщил ей, что у нее, оказывается, есть муж, и этот муж – сын шейха Абана аль-Сейфа и наследный принц Арифы...

Ким Лоренс

Пламенное увлечение шейха

A Cinderella for the Desert King

© 2018 by Kim Lawrence

«Пламенное увлечение шейха»

© «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Фотосессия в пустыне оказалась сущим адом.

Жара, десятисантиметровые каблуки увязают в песке, да еще какая-то гадость ужалила Эбби в плечо. Примеры замазали след укуса, но он адски чесался под толстым слоем грима.

В довершение всего у них сломался внедорожник. Эбби должна была уехать первой машиной, вместе с ассистентом фотографа, но влюбленная в него молоденькая стилистка сделала все, чтобы занять ее место.

И вот теперь Эбби Форстер, жертва чужой любви, сидит в раскаленном автомобиле черт знает где, снаружи вопят товарищи по несчастью, а рядом храпит Роб, для которого эта поломка – всего лишь прекрасный повод вздремнуть. Он полдня гонял ее на каблуках по барханам под палящим солнцем, чтобы получить один-единственный кадр, который счел бы достойным своей славы, а теперь он спокойно спит! И храпит! Громко!

Прежде чем заснуть, Роб уверил ее, что за ними приедут очень быстро, но, кажется, его оптимизм был безосновательным.

Что, если они застряли здесь надолго?

Эбби полезла в свою огромную сумку в поисках бутылки с водой. За свою недолгую карьеру модели она объездила полмира, но так и не научилась путешествовать налегке. Бабушка учила ее, что всегда надо быть предусмотрительной. Жалко, что это качество отказало самой бабушке при встрече с мошенником, которому она доверила все свои сбережения. В памяти Эбби всплыла обезоруживающая открытая улыбка Грега, и ее опять накрыла волна презрения к себе и удушающего чувства вины. Это из-за нее дедушка с бабушкой лишились всех своих денег. Они приняли это стойко и ни словом ее не попрекнули, но она понимала, какой это был удар для них.

Если бы она не была такой дурой, не позволила Грегу вскружить ей голову, не привезла бы его домой, ее старики не лишились бы всего, ради чего так тяжело работали всю жизнь.

К горлу подкатил комок, но Эбби решительно встряхнула головой. Слезами горю не поможешь. Ей нужен план. И он у нее есть.

Эбби невольно сжала губы и вздернула подбородок.

Она будет браться за любую работу, которая только подвернется, не будет отказываться ни от чего (кроме фотосессий в нижнем белье, конечно). И тогда, по ее расчетам, уже через восемнадцать месяцев она сможет выкупить бунгало, которое дедушка и бабушка потеряли из-за нее, из-за ее доверчивости и из-за этого подонка Грега. Она привела его в дом, сказала, что ему можно верить, а он обобрал их и исчез. А чтобы доконать ее, прислал по имейлу фото с подписью «Ты не в моем вкусе». На фото он целовался с другим мужчиной, так что подпись была излишней.

Теперь стали понятны все его разговоры, что он уважает ее невинность и не хочет ее торопить.

Хватит травить душу. Эбби достала из бокового кармана влажные салфетки и стала стирать с лица макияж пополам с песком.

Даже салфетки были теплыми, и она с тоской думала о прохладном душе и холодном пиве, до которых она явно еще не скоро доберется.

Дверь машины открылась, один из мужчин, кричавших снаружи, сунулся в машину и стал терзать приборную доску.

– А ты что тут сидишь? Мы там уже несколько часов с мотором мучимся.

По ее подсчетам, прошло всего десять минут.

– Ты бы еще сказал – несколько дней.

Но ей не хотелось спорить. Укус на руке горел и начал отекать. Она осторожно подняла рукав блузки. На ней все еще была одежда для съемок – шелковая блузка и микрошорты. Кто придумал снимать рекламу шампуня в пустыне? Наверное, предполагалось показать, что с этим шампунем даже среди барханов у любой девушки будут свежие и блестящие волосы. Волосы – может быть, но

вот песка девушка наглотается, это точно, и еще ее покусаят.

Эбби выглянула из машины. Ситуация была не очень обнадеживающей. Из двигателя шел дым, а двое мужчин, колдовавших над ним, опять начали спорить.

Она пнула Роба ногой. Ох, повезло ему, что она уже поменяла роскошные босоножки на каблуках-стилетах на обычные сланцы.

– Пошли, посмотрим, чем можно помочь. По крайней мере, не дадим им убить друг друга.

Она достала из сумки легкий шарф и стянула на затылке влажные от пота волосы. Роскошные голливудские локоны, над которыми не меньше часа колдовала стилистка, превратились в не особо удачный кривой конский хвост.

Роб открыл один глаз, кивнул и снова захрапел.

Снаружи было... не скажешь, конечно, «прохладнее», но все ж таки не так похоже на пароварку.

– Как дела, парни? – спросила Эбби по возможности бодро.

Ей никто не ответил.

Она уже работала с Джемом (он ставил свет на фотосессиях) и знала, что он всегда был готов пошутить, чтобы разрядить напряжение на съемочной площадке. Но сейчас чувство юмора оставило и его.

Хмурый, весь в поту, он копался в моторе, потом выпрямился и захлопнул крышку капота.

– Безнадежно. Я не понимаю, в чем проблема, и не знаю, как его починить. Если у кого-то есть идеи – милости прошу.

Джем стоял и грыз ногти, вид у него был настолько растерянный и беспомощный, прямо как у ребенка, что толстый техник, оравший на него минуту назад, тоже

притих.

– Успокойся, Джез. Как только они поймут, что мы не приехали, сразу же пришлют за нами кого-то, – ободряюще сказала Эбби, стараясь не замечать, что солнце садится и вокруг становится все темнее.

– Зря мы задержались, – пробормотал парень, пиная шину.

– Что он там делает? – кивнул толстяк в сторону салона, где спал великий (в своих глазах) фотохудожник, убивший полчаса на съемку какой-то ящерицы, дремлющей на камне необычной формы. За это время остальные машины уехали.

– Он спит.

– Ах, он спит!

Мужчины посмотрели друг на друга и рассмеялись. Общая злость на Роба заставила их забыть недавнюю ссору.

– Телефон у кого-нибудь ловит?

Эбби покачала головой:

– Ну что вы истерите? Что такого ужасного может с нами случиться?

– Умрем медленной и мучительной смертью от жажды, – зевая и потягиваясь, из машины вылез Роб.

Эбби бросила на него раздраженный взгляд:

– Будет, что вспомнить. Похвастаешься как-нибудь за ужином.

– Слава богу! За нами едут! – Джез со счастливой улыбкой вглядывался в сумерки, показывая рукой на клубы песка, появившиеся на горизонте.

Эбби с облегчением вздохнула, но тут же нахмурилась, различив странный звук, доносящийся с той стороны:

- Что это?

Мужчины быстро переглянулись. Роб повернулся к ней:

- Может быть, тебе лучше вернуться в машину, Эбби?

Звук становился все громче, облако пыли – все ближе.

- Это выстрелы? – прошептала она.

- Все в порядке, – неуверенно сказал Джек. – Мы же в Ариффе, тут безопасно. Все это знают.

Раздалось еще несколько выстрелов.

- Но просто так, на всякий случай... Сиди в машине и не высовывайся!

Арабский скакун уверенным галопом мчался сквозь ночную тьму. Конь и всадник слились в этом стремительном полете. Они направлялись к одинокой скале, издалека напоминавшей колонну, – ее отвесные стены казались неприступными. Но и конь, и всадник знали узкую тропу, спиралью поднимавшуюся вверх. Когда они достигли вершины, всадник перевел дух и обвел взглядом открывшуюся ему равнину. Обычно это уединенное место и открывавшийся отсюда вид наполняли душу Зейна аль-Сейфа умиротворением и покоем.

Но не сегодня.

Сегодня мрак в его душе не могли рассеять ни яркие звезды ночной пустыни, ни роскошная иллюминация восточного дворца, делавшая его башни и шпили заметными за много миль. Огней было даже больше, чем обычно, они стекали с древних стен цитадели в раскинувшийся вокруг нее современный город, прорисовывая в бархатной тьме южной ночи бульвары, парки, высокие здания.

Сейчас все это сверкало огнями, потому что в городе, во всей стране был праздник. Сегодня была свадьба.

Королевская свадьба.

А людям нравятся королевские свадьбы, подумал Зейн, и его красивые губы искривились в горькой усмешке. Всем людям, кроме одного, в данном случае.

Конь почувствовал настроение всадника – зафыркал, загарцевал, закружился так нервно, что непременно бы скинул менее опытного наездника.

– Прости, друг... – Зейн похлопал испуганного коня по шее. Он подождал, пока животное успокоится, потом спешился одним ловким, быстрым, привычным движением. Отпустив поводья, он сделал два шага вперед и встал на краю скалы, не замечая головокружительной черной бездны у своих ног. Он смотрел на огни города. Слабая улыбка, кривившая его рот, исчезла, теперь его губы были сурово сжаты.

Зейна захлестнула волна стыда и отвращения к себе. Он чувствовал себя глупцом. И он заслужил это, потому что вел себя, как глупец. Наивный глупец.

Он мнил себя знатоком человеческих душ, думал, что видит людей насквозь. Но та, за которую сегодня поднимает бокалы вся страна, одурачила его. Единственное, чем он мог себя утешить, – его сердце не было затронуто. Но гордости его был нанесен страшный удар.

Конечно, теперь все представлялось ему совершенно ясным и очевидным, он мог вспомнить десятки знаков и тревожных звоночков, которые должны были открыть ему истинную природу их связи. Но все полгода их головокружительного романа Зейн был будто бы слеп. Он нарушил все свои правила и даже стал называть их отношения... «отношениями». Он был слепцом, идущим по краю пропасти, подобной той, что сейчас зияла у его ног, и кто ведает, куда мог завести его следующий шаг.

К счастью, он этого так и не узнает. Кайле надоело ждать, и, как только подвернулась добыча покрупнее, она с легкостью его оставила. Все это время Зейн был наивно уверен, что все вертится вокруг него, а на самом деле обворожительная Кайла вертела им.

Она ездила домой в Ариффу проведать семью, но вернулась в Париж на день раньше. Зейн был рад отменить все дела и провести весь день с ней в постели. Он лежал на кровати, поглядывая то в ноутбук, который держал на коленях, то на Кайлу, которая, накинув пеньюар, сидела перед зеркалом и поправляла макияж.

- Тебе это не нужно, - сказал он машинально.

За полгода их тайного романа Зейн ни разу не видел Кайлу без макияжа. Где бы они ни проводили ночь, Кайла умудрялась навести марафет, пока он еще спал, и к его пробуждению выглядела безупречно.

Она повернулась к нему с холодной улыбкой, какой он никогда прежде не видел.

- Это очень мило с твоей стороны, но, знаешь... - Она еще раз провела по губам помадой, встала, подошла к кровати. - Я готова была ради тебя притворяться, что люблю искусство, эту нудную оперу, интересоваться политикой и прочим бредом, но я совершенно не готова выглядеть как какая-то деревенщина, а тебе, похоже, именно такие нравятся.

Она издала резкий смешок, так непохожий на ее обычную мягкую и несколько даже льстивую манеру.

- Кстати, ты правда верил, что секс без обязательств - это предел моих мечтаний? Ты верил, что мы встретились случайно? Верил, что я вкалываю за гроши в картинной галерее, потому что обожаю искусство? - Она вдруг томно вздохнула. - Хотя... В постели с тобой не приходилось притворяться. Знаешь, я буду скучать по... этому.

Она присела на край кровати рядом с потрясенным Зейном, не находящим слов, не знающим, как реагировать на ее признания, и провела алым коготком по его волосатой груди, слегка царапая кожу.

Это воспоминание заставило его брезгливо улыбнуться.

- Наверное, я не должна была сегодня к тебе приходить, но подумала: один разок по старой памяти - ничего страшного. На следующей неделе моя семья

официально объявит о моей помолвке с твоим братом. Так что, боюсь, некоторое время мы не сможем этим заниматься. Только не делай таких удивленных глаз! Отчасти это и твоя вина. Кстати, постарайся на свадьбе выглядеть так, будто у тебя сердце разбито. Твоему брату будет приятно.

Зейн снова улыбнулся, на этот раз устало. Он не особенно похож на отца, но, кажется, унаследовал от него слепоту к женским порокам.

Зейн смотрел на залитую луной пустыню. Хватит корить себя. Если ты знаешь свои слабые стороны, ты можешь их защитить.

Его отец прожил последние пятнадцать лет жизни, предаваясь то жалости к себе, то эфемерным мечтам, полностью потеряв связь с реальностью.

Это было жалкое зрелище.

Но у Зейна все будет иначе.

Он смотрел в темноту, снова и снова прокручивая в голове ту сцену.

– Конечно, я бы предпочла выйти за тебя. Но ведь ты не предлагал. – Кайла впервые позволила себе не сдерживать эмоции. – А я так старалась стать для тебя идеальной женщиной. Ну что ж, переждем свадьбу и продолжим наши свидания. Прелесть в том, что Халид, ну, скажем так, не в том положении, чтобы возражать. У меня столько на него компромата!

Зейн встряхнул головой, отгоняя воспоминание.

Люди иногда пишут списки того, что хотели бы сделать прежде, чем умрут. В девять рассудительный Зейн написал список того, чего он не хочет делать в жизни. Правда, некоторые пункты со временем отпали – он с удовольствием ест шпинат, и целоваться с девушками оказалось не так ужасно, как ему когда-то казалось. Но остальные пункты остались незыблемыми.

В первую очередь, он никогда не позволит себе влюбиться и никогда не женится. Он твердо решил не повторять ошибок отца.

Отношения с женщинами не просто сломали его отца – они поставили под удар всю страну, которой он правил, народ, который он должен был защищать. Маленький Зейн видел это, и любовь и уважение, которые он испытывал к отцу, постепенно сменились гневом и стыдом.

Это могло кончиться крахом для всей страны (хотя его отец вряд ли бы и это заметил), если бы шейх не был окружен умными и преданными людьми. Они прикрывали его и смогли сохранить в глазах народа образ сильного и мудрого правителя.

Зейна никто не прикрывал.

В сумраке пустыни почудилось какое-то движение. Зейн повернулся в сторону границы между Арифой и соседним Незеном и долго всматривался в темноту, пока не решил, что ему почудилось. Он было отвернулся, но вдруг снова увидел какую-то вспышку – это мог быть свет фонарика или автомобильных фар. Зейну показалось, что он слышит крики.

Свет вспыхнул снова – это определенно были фары. Зейн раздраженно вздохнул: опять какие-то туристы заблудились в пустыне и теперь просят помощи. Такие истории случались по несколько раз в неделю. Надо ехать на помощь к этим идиотам, принявшим его пустыню за Диснейленд.

Он любил пустыню, уважал ее силу и опасность.

Его считали здесь чужим, он был вынужден постоянно доказывать, что его место здесь, но это только укрепляло его внутреннюю связь с этой страной. А между тем сам факт его существования оскорблял многих ее жителей, особенно арифанскую знать. Зейна ненавидели даже сильнее, чем его мать, которая жила за границей. Было бы даже проще, если бы Зейн был незаконнорожденным, но его родители поженились, хотя у отца уже была жена и наследник. Но разве такая мелочь может встать на пути истинной любви!

Любви...

Зейн повернулся и одним махом вскочил в седло.

Люди веками оправдывали любовью все свои ошибки – от банальной измены до беспощадной войны.

Любовь – всего лишь прикрытие для крайних форм эгоизма.

Ему достаточно было посмотреть на своих родителей, чтобы понять ее разрушительную силу. Было несомненно, что отец очень любит мать. Но к чему это привело? В основном к увеличению тиражей желтой прессы.

Шейх богатого ближневосточного государства, у которого есть жена и законный наследник, теряет голову из-за оперной дивы.

Развод вовсе не был в Ариффе чем-то неслыханным. Разводились и раньше. Бывало даже, что и семья брошенной жены одобряла развод, например, если та долго не могла подарить мужу наследника мужского пола, особенно если этому наследнику в будущем предстоит возглавить страну.

Но у отца Зейна уже был наследник и жена, которую он обесчестил разводом, а ведь она происходила из очень знатной и влиятельной семьи.

Шейх бросил женщину с безупречной родословной ради певички. Правда, певичка умудрилась очаровать всех недоброжелателей. Ее полюбила вся страна. А она вдруг бросила мужа и восьмилетнего сына ради сцены и вернулась в Европу. Страна ей этого не простила. Сын не простил тоже.

Но муж, ее гордый, униженный муж, человек, известный своей решительностью и бескомпромиссностью, не разлюбил ее, несмотря на предательство. Он в любую минуту принял бы ее обратно. Оба его сына это знали, возможно, поэтому они никогда не были особо близки.

Как и их отец, Халид жил прошлым. Его глаза до сих пор горели злобой, когда он смотрел на сводного брата, которого он по-прежнему винил во всех несчастиях своей семьи. Ему всегда хотелось что-то отнять у Зейна – славу, успех или, как сейчас, женщину. Но главным было именно отобрать, а не владеть, поэтому, забрав что-то у Зейна, Халид сразу же терял интерес к своему приобретению.

Потеряет ли он интерес и к Кайле?

Зейн пожал плечами. Это его больше не касается.

Глава 2

Зейн был на полпути к сигналившей машине, когда заметил нечто, заставившее его придержать коня, а после остановиться и спешиться.

Выражение недовольства исчезло с его лица, когда он изучил свою находку и следы автомобильных шин, видневшиеся в лунном свете. Он поднял одну из гильз, валявшихся на песке, повертел ее в пальцах, затем отбросил и решительно вскочил в седло.

Через десять минут Зейн был уже около машины, по-прежнему сигналившей фарами. Трое мужчин прятались внутри, и ему пришлось несколько раз окликнуть их, прежде чем они отважились выйти. Зато потом, услышав его идеальный английский, они кинулись к Зейну, как к спасителю. Ему с трудом удалось остановить их сбивчивые и лихорадочные объяснения и заставить говорить по очереди. То, что он услышал, вернуло брезгливое и жесткое выражение его лицу.

– С вами была женщина? Ее забрали? И вы позволили это? – спросил он, не скрывая презрения.

– Да мы вообще случайно тут оказались, – оправдывался толстяк с подбитым глазом. – А тут эти приехали. Мы сказали ей сидеть в машине и не высовываться. А они напали на Роба, – кивнул он в сторону высокого человека, в волосах которого запеклась кровь. – А она сразу выскочила и давай их молотить...

– Сумкой. Она била их сумкой.

– А потом они ее забрали.

– Она была в сознании?

Человек с окровавленной головой подал голос:

– Я не уверен. Эбби не двигалась, когда ее бросили в джип.

Третий, совсем еще мальчишка, вдруг заплакал:

– Что с ней будет? Эбби... Что они с ней сделают?

Толстяк положил ему руку на плечо.

– Все будет хорошо. Эбби сильная, ты же знаешь. Она умная, она как-нибудь выкрутится. С ней все будет в порядке. Правда ведь? – дрожащим голосом спросил он Зейна.

Зейн не видел причин скрывать правду.

– Они попытаются получить за нее выкуп. Пока они будут рассчитывать на выкуп, они ее не тронут. В приграничных горах Незена живут вооруженные банды, но последние два года они не отваживались на такие вылазки в Ариффу.

Мальчишка закрыл лицо руками и разрыдался.

«Если меня убьют, что будет с бабушкой и дедушкой? Нет, так нельзя. Нельзя умирать! Думай, Эбби, думай!»

В окружавшем ее шуме она различала скрипучие крики верблюдов, мужские голоса, мужской смех и отдельные выстрелы. Кажется, стреляли в воздух.

Она была без сознания, когда ее бросили в джип, а когда пришла в себя, на голове у нее был мешок, а руки связаны. Сколько сейчас времени? Где она? Что с ней будет?

Она не знала ответа ни на один из этих вопросов. Может быть, это и хорошо.

Эбби из всех сил старалась заглушить подступающую панику.

«Думай, Эбби, думай!»

Но ее попытки привести мысли в порядок были похожи на утренние прогулки по песку – она увязала в них, они зыбились, как песок, покрывавший здесь все вокруг, и утекали сквозь пальцы. Песок был у нее на коже, в волосах, во рту, и мысли ее тоже превратились в песок.

Боль отрезвила ее и вернула к действительности. Сильно ныла левая скула – один из похитителей ударил ее, когда она пыталась защитить Роба.

Надо решить, что делать. Сколько времени она была без сознания? Казалось, все это было давным-давно: джипы, вооруженные люди в странной одежде, окружившие их сломанную машину.

Кто-то сдернул мешок с ее головы. Грубая мужская рука ухватила Эбби за волосы, рывком поставила на ноги. Она увидела совсем рядом смуглое бородатое лицо и от отвращения задержала дыхание. Лишь когда он снова бросил ее на землю, Эбби перевела дух и огляделась.

Еще ночь, но все вокруг было ярко освещено огромным костром и фарами нескольких десятков машин, стоявших вокруг. Между машин бродили верблюды.

Эбби украдкой попыталась пошевелить руками, но они были крепко связаны. Ноги были свободны, и на секунду у нее возникло искушение побежать... Но вряд ли бы ей удалось убежать далеко. Эти мерзавцы догонят ее в одну минуту.

Да и куда ей бежать?

Ослепленная светом костра, Эбби вгляделась в темноту. Люди, много людей. Но ни одной женщины.

Никогда в жизни она не чувствовала такого страха, такого одиночества. Она даже представить себе не могла, что может быть так страшно. Сперва ужас парализовал ее, но потом мысли побежали с лихорадочной скоростью.

«Думай, Эбби, думай!»

Из темноты появился какой-то мужчина, подошел к ней и что-то грубо крикнул.

Эбби помотала головой, показывая, что не понимает.

Он снова что-то рявкнул, потом схватил ее за плечо и потащил туда, где возле костра стояло человек десять. Увидев их, Эбби отшатнулась, но тут же получила удар в спину, а перед лицом ее появилось сверкающее в свете костра изогнутое лезвие.

Потом лезвие исчезло, и Эбби почувствовала, как разрезают веревку, связывавшую ее руки. Она терла онемевшие запястья, а разбойник что-то говорил собравшимся, указывая на нее. Затем он схватил ее за волосы и вытащил в круг света, и Эбби почувствовала жадные мужские взгляды, шарящие по ее телу. Она вся сжалась, не зная, как спрятать от них свои голые ноги, но ее крепко держали. Разбойник заговорил снова, а другие стали отрывисто кричать в ответ. Тут до Эбби дошло, что происходит, – ее продавали с аукциона, а покупатели называли свою цену.

Ее трясло от ужаса и злобы, она хотела закричать, что они не смеют, но горло сжалось, язык не слушался, слова застревали во рту. Эбби закрыла глаза, чтобы не видеть этот кошмар, но тут грубая рука разорвала на ней блузку. Раздались аплодисменты.

Гнев оказался сильнее ужаса. Не задумываясь о последствиях, Эбби сжала кулак, замахнулась и врезала по мощному плечу. От этого удара всю ее руку пронзила боль, а разбойник даже не пошатнулся.

В толпе засмеялись.

Эбби больше не было страшно. Она стянула на груди обрывки блузки и смело посмотрела на улюлюкающую толпу.

Разбойник снова закричал. Слов она не понимала, но смысл был совершенно ясен.

Он снова протянул руку к ее груди... И вдруг замер...

Все кинулись врассыпную, спасаясь от копыт коня, который скакал прямо в огонь, и лишь возле самого костра остановился, удержанный твердой рукой всадника. Человек, сидевший в седле, невозмутимо обвел взглядом лагерь, не обращая никакого внимания на десяток направленных на него стволов. Он отпустил поводья, но конь стоял как вкопанный, не шевельнувшись даже тогда, когда всадник прыгнул на землю. В каждом движении пришельца сквозили сила и превосходство, которому невольно поддались все присутствующие. Он шел в сторону Эбби сквозь толпу разбойников, а они смотрели на него снизу вверх – не только потому, что он был необыкновенно высоким, но и потому, что, несмотря на запыленное арабское платье, похожее на одежду разбойников, он выглядел подлинно царственно. Всполохи пламени освещали его лицо, которое было так красиво в свете огня, что Эбби, как бы это ни было невероятно, забыла про все остальное.

Остановившись рядом с Эбби, он в упор посмотрел на державшего ее головореза. Тот помедлил, но отпустил девушку. Незнакомец коротко кивнул, потом перевел взгляд на Эбби. Смуглая кожа подчеркивала необыкновенный голубой цвет глаз. В них не было жадности и вожделения, с которым остальные мужчины смотрели на ее полуобнаженное тело, но почему-то Эбби задрожала еще сильнее.

Запрокинув голову, она смотрела на высокого красавца, пока холодок, пробежавший по коже, не напомнил ей, что она стоит перед ним чуть ли не в нижнем белье. Эбби опустила пылающее лицо и стала лихорадочно и неуклюже застегивать оставшиеся на блузке пуговицы. Но их было мало, и Эбби пришлось придерживать блузку руками. Она пыталась стянуть обрывки шелка, то на груди, то на животе, но ничего не получалось, и она чувствовала себя совершенно голой под взглядом удивительных светлых глаз. Эбби робко покосилась на него, и на секунду ей показалось, что на его худощавом лице мелькнуло восхищение, но он тут же обратился к разбойнику, который упрямо топтался возле них.

Его голос был низким и, несмотря на властные жесткие ноты, бархатно-обволакивающим.

Один из мужчин выступил вперед и ответил громко и возмущенно, потом подскочил к Эбби и, намотав на руку ее рыжие локоны, потащил к себе. Обессиленная девушка зажмурилась и только старалась отвернуть голову, чтобы не чувствовать зловонного дыхания разбойника. Наверное, он уже сделал

высокую ставку и теперь считал себя ее хозяином. Но вдруг его хватка ослабла. Эбби приоткрыла глаза и увидела, что высокий незнакомец перехватил руку разбойника и силой удерживает его. В другой руке мерзавца был нож, сверкавший в опасной близости от горла смуглого красавца, но тот будто не замечал угрозы.

У Эбби перехватило дыхание, сердце колотилось так, будто сейчас проломит грудную клетку, голова кружилась.

Ей казалось, что она наблюдает эту жуткую сцену со стороны, смотрит по телевизору мыльную оперу.

Но это была реальность. Металлический привкус страха во рту напоминал ей об этом.

Молчаливая борьба длилась несколько секунд, затем разбойник не выдержал и отступил. Кинжал исчез в складках халата. Он проиграл, но не хотел признаваться в этом. Он что-то кричал, то и дело замахиваясь на незнакомца, шайка поддерживала его негромкими выкриками, но на помощь никто не шел, и Эбби заметила, что выглядели они растеряно и подавленно.

Высокий всадник воспользовался моментом и миролюбиво обратился к тому, кто всего несколько минут назад продавал Эбби с аукциона.

Но купивший ее подонок не сдавался. Он повернулся к своим друзьям и, тыча в Эбби пальцем, стал им что-то гневно доказывать. Те, хоть и не двинулись с места, но поддержали угрожающими криками.

А незнакомец, казалось, совсем не чувствовал опасности. Он поднял руку, снял с длинного смуглого пальца кольцо и положил его на протянутую ладонь продавца, затем добавил к кольцу широкий браслет с запястья.

Продавец достал из кармана фонарик, отвернулся и, сгорбившись, стал изучать драгоценности. Потом кивнул и крикнул что-то другому человеку, тот принес какую-то бумагу и, аккуратно расправив, положил на оказавшийся поблизости ящик, как на стол.

«Это купчая на меня?» – с ужасом подумала Эбби.

Этого не может быть, так просто не бывает.

Даже не взглянув на девушку, всадник взял ее за руку и повел к импровизированному столу. Он взял протянутую кем-то ручку и что-то написал, наверное, свое имя.

Затем повернулся и протянул ручку Эбби, которая посмотрела на нее, как на змею, затрясла головой и поспешно убрала руки за спину:

– Что это?

Все это время из джипов неслась громкая восточная музыка. Именно ее рев позволил Зейну подъехать к лагерю незамеченным. И сейчас она же скрыла от разбойников его раздраженный ответ.

– Мелкий шрифт прочтешь позже, – процедил Зейн. Неужели она не понимает, что, чем дольше они здесь остаются, тем меньше у них шансов выбраться? – Если ты хочешь когда-нибудь снова увидеть свой дом и семью, подписывай быстро, идиотка!

Распахнув глаза, Эбби уставилась на него. Она не ожидала даже ответа на свой вопрос, не говоря уже о том, что он будет на чистейшем английском языке, да еще с аристократическим британским выговором.

Она перевела дух. С чего ей вообще пришло в голову колебаться? Чем бы ей ни грозила эта бумага – альтернатива куда страшнее.

Эбби незаметно кивнула.

Буквы на бумаге плясали в свете костра, пальцы дрожали, и вряд ли бы она смогла подписаться, если бы твердая смуглая рука не легла на ее пальцы, сомкнув их вокруг ручки и направив их к бумаге. Она смотрела на эту большую красивую руку, видела, как на бумаге появляются буквы ее имени, но все это происходило будто бы помимо нее. Она будто окаменела. Под растущий гул недовольства в толпе разбойников, незнакомец выдернул ручку из ее

бесчувственных пальцев, свернул бумагу и спрятал где-то в складках своей одежды.

Девушка, не отрываясь, смотрела на него, широко распахнув зеленые глаза.

«Шок», – подумал Зейн, стараясь не замечать проблесков симпатии и сочувствия, промелькнувших в его душе. Не до того сейчас. Надо сохранять ясную голову. Ничто так не заставляет мужчину собраться, как смертельная опасность, подумал Зейн с внезапным азартом и даже улыбнулся. Но немного удачи тоже не помешало бы.

Краем глаза он видел движение в толпе разбойников, кажется, там назревала драка. Но несколько человек двинулись в их сторону...

– Идем, – бросил он сквозь зубы.

Зейн крепко взял ее за локоть и почувствовал под пальцами дрожь ее тела. И опять подавил в себе жалость. Сейчас надо думать о том, как выбраться из этого лагеря прежде, чем головорезы догадаются, кто он, и поймут, что он стоит в сотни раз больше, чем любая женщина, даже с роскошными огненными волосами, нежнейшей кожей и длинными ногами...

Усилием воли Зейн заставил себя оторвать взгляд от ее ног.

– Идти можешь? – сухо бросил он.

В этом холодном вопросе девушке почудился скрытый упрек. Она выпрямилась и, стараясь не замечать предательскую дрожь в коленях, быстро ответила:

– Конечно, могу.

Эбби шатало, но она послушно шла за Зейном. Он понимал, что девушка все еще боится его, но видит в нем единственный шанс выбраться из этого жуткого места.

– У нас нет времени, – несмотря на его бесстрастный тон, он был впечатлен и благодарен за то, что она держит себя в руках, не поддается истерике... Так у них больше шансов. – Соберись.

Девушка быстро кинула на него взгляд, полный внезапной обиды. Всякий раз, когда она смотрела на него, было заметно, как непривычно ей общаться с человеком выше ее ростом.

– Я стараюсь, – прошептала она.

– Уж постарайся, пока они не решили в придачу к выкупу, который я заплатил за жену, получить еще и тебя.

Он пробежал глазами по ее рыжим волосам, едва прикрытым плечам, стройным ногам, вскользь заметив, какой непривычно голой выглядит его собственная рука, крепко удерживавшая ее локоть, без фамильного кольца, которое он носил с восемнадцати лет.

– Или меня, – добавил он еще тише.

Хотя... Случись что с ним – большой трагедии для страны не будет. Он же не наследник. Он только запасной игрок.

Зейн украдкой прикинул, сколько шагов им осталось до его лошади и кто может остановить их на этом пути. К их счастью, драка все-таки началась, и большинство разбойников оказались в нее втянуты. Это на некоторое время отвлечет их внимание от него и от златовласки, которая все еще дрожала в крепкой хватке его пальцев.

Ни одна из этих опасливых мыслей не отразилась в уверенных движениях его сильного, стройного тела. Никогда нельзя показывать свою слабость, это он давно усвоил. Дело даже не в мужской гордости, дело в здравом смысле. Слабость всегда провоцирует врага, особенно если враг вооружен.

Они, наконец, добрались до его коня, но тут девушка замедлила шаги и задрожала еще сильнее.

– Он не опасен. Если ты его не разозлишь.

Ее опыт общения с лошадьми ограничивался детской поездкой на пони. Эбби было всего одиннадцать, но уже тогда ее длиннющие ноги едва не скребли по земле, когда она ехала на маленькой унылой коняшке. Этот конь с налитыми кровью глазами, фыркавший и бивший копытом, казался огромным.

– Кажется, я ему не нравлюсь.

Таинственный незнакомец ничего не ответил, одним махом вскочил в седло, потом нагнулся, ухватил ее безо всякой бережности, поднял на коня и усадил впереди себя.

Эбби от испуга схватилась за первое, что попало под руку, и это был сам всадник. Сквозь ткань одежды она почувствовала его тело. Оно было мускулистым и твердым, как камень.

И тут только до Эбби дошел смысл фразы, брошенной еще там, в стане разбойников.

– Выкуп за жену?

– Ты можешь что-нибудь сделать со своими волосами? Я из-за них ничего не вижу. – Держа поводья одной рукой, другой он отбросил от своего лица огненные волосы и пришпорил лошадь. – Да, мы только что подписали брачный контракт.

Огромный конь пустился вскачь.

Эбби одновременно пыталась удержаться и изогнуться так, чтобы увидеть лицо мужчины. Оно было сосредоточенным и бесстрастным. Шум крови в ушах смешался с оглушительным звуком копыт, и Эбби скорее увидела, чем услышала жестокий смех всадника. Тут в ее лицо ударила волна горячего песка, и Эбби от испуга уткнулась в его плечо.

– Просто держись за меня.

И она держалась за него. А что ей еще оставалось? Через его плечо она видела далекие огни разбойничьего лагеря, все остальное было черным-черно.

Эбби закрыла глаза.

Где они?

Куда они едут?

Неужели они и вправду женаты?

Конь шел ровным сильным ходом, его копыта грохотали, будто части какой-то огромной машины, и этот ритмичный звук почему-то успокаивал Эбби. Точнее, это было не спокойствие, а какое-то оцепенение, похожее на гипнотический транс. Но она чувствовала, что ужас, переполнявший ее несколько бесконечных часов, отступает.

– За нами гонятся? – спросила она, не открывая глаз.

– Может быть. Я успел вывести из строя только часть их машин, а потом...

Он с яростью вспомнил, как грязный урод замахнулся на девушку, которая теперь сидела, прижавшись к нему и обвив руками его тело. Неужели они...

– Они не... причинили тебе вреда?

– Нет. Не в этом смысле. – Она вдруг зевнула. Глаза ее были закрыты, но уже не от страха. У нее просто не было сил поднять веки. Она пыталась очнуться, ей надо было задать ему столько вопросов, самых простых и важных вопросов.

Кто он?

Куда они едут?

«Я, наверное, сошла с ума», – подумала она, подавляя очередной зевок. Тело странно онемело, даже рука, которой она врезала тому страшному мужику,

больше не болела. Ей казалось, что она летит куда-то, но было совсем не страшно, ее удерживала чья-то надежная рука...

- Это шок.

Зейн никак не мог прогнать из памяти картину: полуобнаженная женщина с копной золотых волос среди толпы огромных грязных тварей. Он тогда не удержался, вскочил в седло и ринулся на них. Это был крайне странный и необычный поступок для него – человека, который так уважал в себе способность в любых обстоятельствах сохранять холодный рассудок.

- Нет у меня никакого шока, – сонно возразила Эбби.

Он опустил глаза, но буйные рыжие волосы скрывали от него лицо девушки, он видел только часть щеки и подбородок. Изящный, но твердый подбородок. Нужно быть очень твердой, чтобы так защищать себя – кинуться с кулаками на мерзавца, который вдвое тебя больше. Это было глупо, да, но это было и очень смело.

- Опасность миновала, уровень адреналина в крови упал.

«Будто сейчас я в безопасности», – горько хмыкнув, подумала Эбби.

- Вы плачете или смеетесь?

- Смеюсь. Могу заплакать, если хотите, – ответила она слабым голосом. И потом вдруг добавила: – Мне нехорошо.

- Это не имеет значения, – отрезал Зейн.

Ответ прозвучал грубо, но они не могли сейчас остановиться ни на секунду. Это было небезопасно.

К счастью для них обоих, тошнота отступила, но усталость взяла свое, и, несмотря на все свои старания, Эбби все-таки уснула.

Зейн прижал крепче ее мягкое, безвольное тело и прокрутил в голове события последнего часа. Он скакал во весь опор. Он отдал бесценный изумруд, веками передававшийся в его семье из поколения в поколение. Он отбил у разбойников женщину, которая спала теперь в его объятиях.

Он оглянулся на восток. Далекая цепочка огней означала, что за ними все-таки гонятся. Но это не важно. У них была большая фора, а если он свернет в оазис, их точно не найдут.

Опасность миновала.

Тогда почему ему так тревожно?

Глава 3

– Надо размять ноги.

Эбби не хотелось просыпаться, и она не ответила. Но то большое и теплое, уткнувшись во что она спала, вдруг куда-то исчезло. Пришлось просыпаться. Эбби с трудом разлепила веки. Земля была где-то далеко внизу, а лошадь, на которой Эбби сидела, нервно фыркала.

Она что, действительно уснула?!

Эбби встряхнулась и тут же почувствовала, что падает, поэтому ухватилась за первое, что подвернулось, – за лошадиную гриву. Восстановив равновесие, она откинула от лица волосы, из-за которых ничего не видела... И тут же захотела спрятаться в них снова – так смутил ее взгляд мужчины, который наблюдал за ней, скрестив руки на груди. Пыльные сапоги, белая арабская одежда с золотой вышивкой по краю, удивительно симметричное точеное лицо, казавшееся еще более смуглым в складках белой куфии[1 - Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах.], чувственный рот... Он был так красив, что у Эбби дыхание перехватило, а в животе запорхали бабочки. Тут она поняла, что неприкрыто разглядывает незнакомца и, еще сильнее смутившись, отвела глаза.

- Я бы предпочла не задерживаться, - сказала она.

- Вот как?

Его тон заставил ее вспыхнуть.

- Я просто имела в виду... Я была не одна, когда...

Она запнулась, так живо встала в ее памяти картина похищения. Комок холодного ужаса с нова заворочался у нее в груди, но она договорила:

- Когда на меня напали.

Мужчина по-прежнему молча смотрел на нее.

- Со мной были еще люди, наша группа. У нас сломалась машина.

Незнакомец и бровью не повел. Неужели он не понимает, что ее друзья тоже в опасности? Эбби почти кричала:

- Мы должны, как можно скорее...

- Это же взрослые мужчины, сами о себе позаботятся, - небрежно оборвал ее незнакомец.

В голове у Эбби все перемешалось: негодование, раскаяние, но прежде всего - облегчение.

- Вы их видели? - нетерпеливо спросила она.

Он молча кивнул.

- С ними все в порядке? Они живы? Они целы? Они починили машину?

- Нет, но они смогут переждать в ней ночь.

– Вы что, никому о них не сообщили?!

– У меня нашлись дела поважнее, если вы помните, – насмешливо ответил смуглый красавец.

Эбби прикусила язык.

– Да. Простите. Я очень вам благодарна. Но я просто волнуюсь за своих друзей.

– За друзей или за друга?

– Они мои коллеги! Я – модель, это моя съемочная группа. И я за них волнуюсь. Поэтому, если вы, конечно, не возражаете, я хотела бы отправиться туда и узнать, что с ними.

– О, я не возражаю. – Незнакомец слегка отступил и широким плавным жестом обвел безбрежные пески, расстилавшиеся вокруг. – Милости прошу!

Эбби беспомощно смотрела на пустыню. На востоке уже появилась темно-красная полоса восхода, но Зейн понимал, что она видит только огромную, бесконечную пустоту. А для него пустыня была живой, разнообразной, населенной множеством существ, которые сейчас спешили спрятаться от жары наступающего дня.

– В какую сторону пойдём?

От растерянности Эбби вспылила:

– Я понимаю, на что вы намекаете! Что мне лучше заткнуться и делать, что скажут, потому что вы лучше знаете, как лучше!

– Я даже не намекаю. Это моя пустыня. И я знаю ее, – невозмутимо парировал он. – Слезайте.

– А где мы? – не сдавалась Эбби.

Черт знает где. Она ясно видела это в свете занимавшегося дня. Редкие пучки какой-то травы, несколько одиноких деревьев. И бесконечные безжизненные пески, окрашенные зарей в зловещий красный цвет.

Он никогда не видел кожи такой нежной... прозрачной... чистой... гладкой... белой...

Зейн встряхнул головой и остановил этот поток эпитетов.

Вчера ее красота сослужила ей дурную службу, но такое бывает, есливодишь мужчин с ума одним своим присутствием.

Он опустил глаза, чтобы не видеть ее нежного личика, но тут же увидел ее длинные стройные ноги.

«Надо же, – с усталой горечью подумал Зейн. – Сердце мертвое, а тело все еще хочет жить, тянется... И нет сил спорить с ним».

Он и не спорил. Здоровый секс без эмоций – это гораздо более естественный путь для мужчины, чем рабская привязанность к женщине или полное воздержание. Зейн давно научился контролировать свое сердце и свой тестостерон.

Но внезапно он вспомнил тот миг, когда увидел у костра рыжеволосую девушку в разорванной одежде, окруженную дикарями.

Когда он отправился на поиски, он не думал о том, кого именно едет спасать, в голове у него не было какого-то конкретного женского образа. Но даже если бы и был – вряд ли его фантазия могла создать нечто столь же прекрасное. Это тогда ему казалось, что из-за грохочущей из джипов музыки никто не услышал, как он подъехал. Мужчины, толпившиеся у костра, и танка не заметили бы – так они были оглушены вожделением к этой женщине. Всполохи костра освещали нежное тело, почти неприкрытое разорванной одеждой, длинные ноги, огромную копну огненных волос, прозрачную кожу. Уже в ту секунду Зейн навсегда запомнил каждую ее черту. В ней не было ничего искусственного, ничего глянцевого – живая, теплая, манящая женщина.

Такие женщины заставляют мужчину забыть о законах и правилах.

Зейн всегда умел контролировать себя, но эта ночная поездка до сих пор волновала его кровь. Темнота, ритмичный ход скакуна, и нежное, мягкое тело, прижавшееся к нему, отделенное от его плоти лишь несколькими слоями ткани...

Но бедный, измученный мозг Эбби истолковал поведение незнакомца по-своему.

- Вы что... Вы что?! Вы думаете, я сама виновата в том, что меня похитили?! Знаете, я тоже терпеть не могу, когда жертва уверяет... это не в том смысле, что я жертва, я никакая не жертва, но просто... О черт!

Она так бурно жестикулировала, что все-таки свалилась с лошади - прямо в объятия незнакомца.

Он поймал ее, на секунду прижал ее к груди, твердой, как камень, а потом отпустил, и Эбби невольно соскользнула на песок. Пытаясь удержаться, она обхватила его тело руками. Он весь состоял из сплетений стальных мышц. Эбби не могла понять, отчего мир вокруг нее так странно кружится - от усталости, от падения или от этого пленительного ощущения сильного тела в ее руках.

- Отпустите меня... - в смятении пробормотала она.

- Я вас не держу, - ответил незнакомец, с иронией глядя на тонкие пальцы, все еще цеплявшиеся за его одежду. Но Эбби могла поклясться, что в этой иронии мелькнула неожиданная нежность.

Потом он вдруг нахмурился, отчего его брови сошлись в одну линию над яркими голубыми глазами.

- Что это?

Она проследила его взгляд и увидела, что место укуса на ее плече сильно опухло.

– Не знаю. Укусил кто-то.

Он быстро положил ладонь на ее лоб, потом наклонился ближе, внимательно рассмотрел пораженное место, провел по нему пальцами...

– Ой! Что вы делаете?! Больно! – вскрикнула Эбби, пытаясь вырваться, но он крепко удерживал ее локоть. Просто удивительно: после всех этих кошмаров он так беспокоится из-за пустяков.

– Не знаете вы пустыню. Она может быть очень опасна. А вы едете сюда, одеваясь, как на пляж, и даже не думаете о защите от насекомых.

Эбби очень хотелось что-то возразить на его надменную тираду, но спорить было трудно – ее костюм и вправду едва превосходил размерами купальник. Она на всякий случай потянула края шортов вниз и заносчиво ответила:

– У меня была фотосессия. Не я выбираю, что надевать на съемки. И репеллент я использовала. Да! Он входил в состав солнцезащитного крема. Кажется. Так было на тубике написано. И я им очень густо намазалась, потому что сильно обгораю, у меня такая кожа... И вообще, я хочу обратно в отель! – заявила Эбби, устав от чувства уязвимости, которое он почему-то у нее вызывал.

Высокомерный незнакомец выглядел совершенно ошарашенным. Она таки пробила брешь в его броне! Но потом он вдруг рассмеялся:

– Я не таксист.

Эбби сникла. Она действительно держалась как капризная туристка. Она вздохнула и сказала виноватым голосом, чего красавец, кажется, совсем не ожидал:

– Вы правы. Извините. И простите, что я говорю это только сейчас, но я очень, очень... благодарна вам.

Эбби говорила искренне. Но в груди вдруг начал крутиться новый комок ледяного страха. Она только сейчас начала понимать, до какой степени в его власти. «Но ведь он же хороший, – уговаривала она себя. – Он наверняка

хороший. Это же видно».

А незнакомец опять молча смотрел на нее, и блестящие темные брови опять слились в одну линию.

Зейн не ожидал такой стремительной перемены, но она произвела на него впечатление.

– Я вовсе не ждал благодарности.

– Я понимаю. Но хочу, чтобы вы знали, что я вам очень признательна.

– Как вас вообще занесло одних в пустыню? – Его голос звучал раздраженно.

Эбби судорожно вздохнула. Она чувствовала, как слезы подступают к глазам, но сумела взять себя в руки. Факты, она должна рассказать ему только факты.

– Мы должны были снимать рядом с городом, но никто не принял во внимание свадьбу. Вы знаете, там была большая свадьба? – Эбби старалась не смотреть на него. Голубые глаза на смуглом лице светились так ярко, что она почти слепла. – Это все усложнило – нужно было разрешение специальное, и толпы народа всюду, и наш продюсер распорядился, чтобы мы ехали в пустыню. Мы сидели в аэропорту, пили кофе, и тут пришло письмо от заказчика, чтобы мы ехали туда. Кто же знал... Я даже сначала подумала, когда меня...

Ее опять замутило при воспоминании о грубых мужских руках, скрутивших ее.

– Я так надеялась, что это все какой-то рекламный трюк... – Эбби замотала головой, не в силах дольше сдерживать слезы. – Я чувствую себя такой грязной...

Она имела в виду не только песок, который, казалось, проник ей в каждую пору, не только грязь на своей рваной одежде.

Зейн понимал это, но все-таки кивнул в сторону нескольких запыленных деревьев:

- Идите умойтесь.

Эбби вскинула на него недоуменный взгляд.

- Да и коня надо напоить.

За деревьями шел спуск вниз, поэтому Эбби не могла раньше увидеть чудесный оазис, к которому они направлялись. Среди пышных зарослей кустарника серебряной лентой блестел ручей. Эбби хотелось сразу кинуться к воде, но и всадник, и конь, которого он вел под уздцы, возле него не остановились. Она поняла почему чуть позже, когда ей открылось небольшое, но изумительно чистое озерцо в окружении пальм. Ужасы пережитой ночи заставили ее совершенно по-особому ощутить красоту и гармонию этого места.

- Здесь так хорошо, - прошептала она, уже не сдерживая слез.

- Нам нужно что-то делать с твоим плечом, - коротко бросил незнакомец, не сделав даже шага в ее сторону.

Эта суровая забота будто разрушила плотину внутри Эбби - слезы заструились по щекам, с губ слетел всхлип, потом еще один, и вот уже она, рыдая, опустилась на песок.

Повинуясь внезапному импульсу, Зейн подошел к ней, осторожно взял за здоровое плечо и поднял на ноги. Златовласка едва доставала ему до подбородка, и он опять не видел ее лицо, только слышал, как рыдания становятся тише и реже. Наконец Эбби умолкла и подняла голову. Хотя Зейн и так старался держаться на расстоянии вытянутой руки от нее, девушка отступила еще на шаг, тихонько стряхнув его руку.

- Я, наверное, ужасно выгляжу, - прошептала Эбби, стараясь не встречаться с ним глазами.

- Да, - машинально согласился Зейн, думая совсем о другом.

В его голове стояла картина: он накрывает ее своим телом, она изгибается, благодарно принимая его, блаженно вскрикивает, когда он глубоко входит в ее лоно...

Он знал ее всего несколько часов, но это видение уже стало навязчивым, обрастая все новыми, возбуждающими деталями.

Он никогда не думал, что фантазии могут быть такими реальными.

- Да, - хрипло сказал он воображаемой девушке, в тепло которой погружался.

Озадаченная таким ответом, Эбби невольно вскинула глаза, а потом рассмеялась.

- Ну, по крайней мере, теперь я знаю, что вы честный человек. А это значит, что я... в безопасности. - Она сделала паузу, будто давая ему время подумать. - Я, конечно, не думала, что...

Но у нее было очень выразительное лицо, и он мог понять по нему, что все-таки думала, мог понять, какие ужасные сцены рисовало ей ее воображение.

- Вот и не надо, - резко ответил Зейн, проклиная себя за свои порочные фантазии. Она пережила такой кошмар, а он, как похотливый евнух, пускает на нее слюни! Зейн повернулся и пошел к пасшемуся неподалеку коню.

- Я просто благодарю вас за то, что я в безопасности! - крикнула ему вслед Эбби.

Зейн достал что-то из седельной сумки и уже шел обратно. Она заворуженно смотрела на его сильные, грациозные, необыкновенно плавные движения. «Наверно, он похож на зверей своей пустыни», - невольно подумала она.

Он не хотел больше называть ее про себя «златовлаской», поэтому спросил:

- Как тебя зовут?

– Эбби.

Она ожидала, что он тоже назовет свое имя в ответ, но незнакомец предпочел остаться незнакомцем.

– Покажи руку, Эбби.

Он осторожно осмотрел ее плечо, коротко кивнул и осмотрелся по сторонам.

– Сиди здесь.

Эбби проводила его взглядом и тут же попрекнула себя тем, что снова тарашится на него, как фанатка на кинозвезду.

«Но что в этом плохого? Посмотреть-то можно», – неуверенно оправдывалась она сама перед собой.

Наоборот, странно было на него не смотреть. Если бы и нашлась женщина, которая стала бы утверждать, что такой мужчина не производит на нее впечатления, то она была бы просто лгуней.

– Сейчас может быть больно, – сказал красавец, садясь рядом с ней на песок.

Это было очень больно. Эбби пришлось прикусить губу, чтобы не завопить.

– Что это? – спросила она, переводя дух и с сомнением глядя, как он обкладывает чем-то место укуса.

– Листья нима. Прижми пока.

На этот раз он спустился к озеру. Он развязал золотой шнур, стягивавший куфию на его голове, и обнажил голову.

Эбби была поражена. Она думала, что у него будут длинные черные кудри, как у бедуинов в кино, но волосы были короткими и даже модно постриженными. Зейн плеснул воды себе в лицо, и теперь мокрыми пальцами приглаживал короткие

темные завитки. Это было безумно сексуально.

Он повернул голову, и Эбби быстро отвернулась, понимая, что сейчас похожа на ребенка, прижавшегося носом к стеклу кондитерской. С той разницей, что мысли у нее были отнюдь не детские, хотя и очень сладкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kim-lorens/plamennoe-uvlechenie-sheyha>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)